

А.Т. Сингаевский

Поясные подвески VII в. до н.э. – I в. н.э. с территории Обь-Иртышского междуречья как культурный и хронологический индикатор

С появлением в начале скифской эпохи (VIII)–VII вв. до н.э. на территории степей Евразии наборных поясов одним из атрибутов снаряжения кочевника становятся различные поясные подвески. В отличие от функциональных деталей поясной гарнитуры, таких как пряжки, обоймы и бляхи, их назначение не совсем ясно. Работы, посвященные изучению наборных поясов скифского времени [1–3], как правило, носят общий характер и находятся на уровне первоначального освоения проблематики. До сих пор нет специального исследования по этой проблеме, в связи с чем не разработаны типология и семантика данной категории инвентаря.

В скифский период существовало несколько категорий подвесок – костыльки, колоколовидные, бубенчиковидные подвески, подвески из клыков различных животных (марала, бобра, кабарги и т.д.). На территории Обь-Иртышского междуречья самым распространенным видом являются костыльки. Нами классифицировано более 60 находок из погребений. Костыльки считаются атрибутом мужского «туалета» [4, с. 32; 5, с. 140]. Из 33 погребений, по которым имеются антропологические определения (табл.), в 29 захоронены мужчины, в одном – ребенок трех лет (Усть-Иштовка) [5], три отнесены к женским – Березовка I (кург. 15); Быстровка I (кург. 15, мог. 1); Масляха I (кург. 3, мог. 9) [4, с. 126; 6, с. 82; 7, с. 78–79]. Учитывая, что в Быстровке I костыльки обнаружены с традиционно мужским инвентарем, вместе с наконечниками стрел и поясными пряжками, а грабленая могила из Масляхи I отнесена авторами к женским условно, также с оговоркой на мужской инвентарь погребения, данные антропологические определения нуждаются в перепроверке.

Наиболее спорным является вопрос о назначении костыльков. Одни исследователи склонны видеть в них предметы культового характера – амулеты [6, с. 87; 8, с. 54], другие – утилитарные свойства – приспособления для развязывания затянувшихся ремennых узлов (кочедыки), застежки, копоушки, пряжки, детали обуви или сбруи [7, с. 79; 9, с. 86]. По мнению П.И. Шульги, «наиболее вероятным представляется их использование в качестве приспособления, на которое при помощи ремennой петли подвешивали различные предметы» [3, с. 27]. Для этого предназначались перемычки, валики, отверстия, утолщения или сужения по длине стержня. В то же время автор не отрицает различные трактовки использования

костыльков, считая их полифункциональными изделиями, «назначение, размеры, форма и пропорции которых зависели от времени и культурного окружения». Аналогичным образом назначение костыльков интерпретируют А.Л. Кунгуров и А.А. Тишкин [5, с. 46], указывая на их многофункциональность и культовый характер. В целом же большинство авторов, за неимением проверенных гипотез, называют их просто подвесками.

Проведенная корреляция взаимовстречаемости костыльков с другими предметами погребального инвентаря выявила их нейтральность. Костыльки встречаются со всеми элементами поясной фурнитуры и без них, что исключает их использование в роли других деталей пояса, а также какую-либо устойчивую взаимовстречаемость с определенной категорией инвентаря (табл.). Это подтверждают также реконструкции поясов в непогребенных могилах, где подвески находятся вне связи с другими предметами (рис. 2).

По нашему мнению, наиболее вероятной функциональной интерпретацией костыльков является их использование в качестве наконечников ремней, при этом не основного широкого ремня, а узкого ремешка, продевавшегося в отверстия широкого и служившего для крепления различных поясных блях и других декоративных деталей пояса [1, с. 17; 3, с. 89]. В этом качестве костыльки могли быть как кочедыками, употреблявшимися для развязывания узлов, так и застежками, крепившими концы малого ремешка. Семантически костыльки выполняли роль завершающего композиционного элемента наборного пояса. Детали фиксации костыльков и назначение валиков, отверстий и перемычек пока не может быть установлено ввиду отсутствия полностью реконструированных поясов, с остатками кожаной основы. Косвенным доказательством нашей гипотезы является исчезновение костыльков к рубежу эр, в результате появления пряжек с подвижным язычком и других конструктивных инноваций, когда узкий продольный ремешок теряет свое функциональное назначение. Также количество костыльков в наборе не превышает двух, соответственно по наличию двух концов ремешка.

Другим важным назначением костыльков было использование их в качестве амулетов. Как известно, пояс в древности представлял собой определенную знаковую систему, каждая его деталь одновременно

Сводная таблица поясных подвесок

Памятник	№ п/п	№ погребения	Погрешено	Пол	№ подвески	Положение подвески на погребённом	Сопровождающий инвентарь (поясная гарнитура, предметы вооружения)	Тип
Берёзовка I	1	кург. 15	—	Ж	1	у поясницы	бронзовое кольцо, три бабочковидные бляхи, костяная застёжка	2
	2				2	у поясницы		7
	3				3	у правой руки		7
Гоньба II	4	кург. 2, мог. 2	+	М	1		кинжал, ременная бляха, накладки, наконечник	20
	5				2			20
	6	раскоп А.П. Уманского, 1961 г.	+	М	1		наконечник, обломки железного предмета	6
Новый Шарап II	7	кург. 1, мог. 1	+		1	в осыпи		12
	8				2			12
Аэродромный	9	мог. 1	+	М	1	в верхней части левой бедренной кости	три железные бляшки	7
	10	мог. 3	+	М	1	на фалангах левой руки	бронзовый крючок на поясе	7
	11				2	слева от черепа		7
	12	мог. 5	+	М	1	на середине левой бедренной кости	обломки железного предмета, бронзовый нож, костяная застёжка	3
	13				2	на правой бедренной кости		3
Бийск I	14	кург. 12, скелет 1	—	М	1	у правой кисти	железный нож	7
	15	скелет 2	+	М	1	у левого колена	бронзовая пряжка	7
	16				2			7
	17	кург. 4	+	М	1	у костей ног	бронзовая бляшка	6
Михайловский VI	18	кург. 5	—	М	1	между ног, в области колен	оселок, наконечник стрелы	5
Камень II	19	кург. 15, мог. 5	—	М	1	у левого тазобедренного сустава	чекан, наконечники, колчаный крюк, бронзовая обойма, железные прямоугольные пластины, раковины каури, железные полусферические бляшки	11 Железный, коррозированный
					2	у правой берцовой кости		
Объездное I	20	кург. 12, мог. 13	+	М	1			4
Масляха I	21	кург. 3, мог. 7	—	М	1	у правого бедра ниже кисти	железный кинжал, наконечник стрелы	4
	22	мог. 9	+	Ж ?	1	у южной стенки	три костяных наконечника	14
Масляха II	23		—	М	1			20

Продолжение таблицы

Памятник	№ п/п	№ погребения	Потребовано	Пол	№ подвески	Положение подвески на погребённом	Сопровождающий инвентарь (поясная гарнитура, предметы вооружения)	Тип
Быстровка I	24	кург. 5, мог. 1	+	?	1			?
	25	кург. 15, мог. 1	—	Ж	1	у бёдер	две поясные пряжки, наконечники	4
	26				2			4
Новотроицкое I	27	кург. 34, мог. 2	+	?	1	?	бабочковидная бляха	4
	28	кург. 15, мог. 1	—	М	1	в области пояса	наборный пояс с железными защитными пластинами, бляшками, бабочковидными бляхами, пряжками и обоймами	16
Новотроицкое II	29	кург. 9, мог. 5	?	?	1	?	колчаный крюк	4
	30	кург. 15, мог. 3	?	?	1	?	?	4
	31	кург. 18, мог. 5	?	?	1	?	два костяных наконечника	23
	32				2	?		24
	33	кург. 18, мог. 9	—	М	1	у правой бедренной кости	две бляхи-распределители, полусферическая бляшка, железные и костяные наконечники стрел, раковины каури, чекан	17
	34				2	у левой бедренной кости		17
Казённая заимка I	35	кург. 3, мог. 1	—	М	1	у правой бедренной кости	пряжка, нож (кинжал)	10
Ордынское 1	36	кург. 8	—	М	1	у левой пяточной кости	наконечники	24
Усть-Иштовка	37	мог. 13	—	М	1	на груди	нож	21
	38	мог. 9	—	Ребёнок	1	у кисти левой руки	—	4
	39				2	у правого колена		4
Рогозиха I	40	кург. 7, мог. 3	+	М	1		—	8
	41	кург. 8, мог. 1	—	М	1	на костях таза	—	21
	42				2	на правой берцовой кости		21
Гилёво X	43		—	М	1	на костях таза	боевой пояс с обоймами	1
Раздумье IV	44	кург. 10, мог. 1	+	М	1		костяная пластинка с просверленными отверстиями, костяные конические застежки	26
	45				2			26
Быстровка III	46	кург. 5, насыпь			1	насыпь	—	23

Памятник	№ п/п	№ погребения	Потребовано	Пол	№ подвески	Положение подвески на погребённом	Сопровождающий инвентарь (поясная гарнитура, предметы вооружения)	Тип
Абрамово IV	47	кург. 22, мог. 5		М	1			23
	48				2			23
Марково I	49				1			15
ЕКМ I	50	кург. 3		М	1		колчанный крюк, кинжал, наконечники	9
	51				2			9
Осинцево III	52	кург. 4, мог. 1	—	М	1	на середине правой бедренной кости	колчанный крюк, железная коническая застёжка, железный нож, наконечники	23
	53				2			23
Тасмола II	54	кург. 1	—	М	1	между ног	боевой пояс с обоймами	19
Тасмола V	55	кург. 3	+		1			2
Кузнецк 1/4	56	мог. 3	—	лошадь	1	среди костей лошади		22
МГК I	57		—	М	1			20
	58				2			20
с. Кунгурово (случ. находка)	59				1		две бронзовые пряжки	18
	60				2			21
Гилёво IX	61	кург. 3	+	М	1	грабл.	роговые накладки на лук, железные наконечники, железный меч	13

несла функциональную и символическую нагрузку [1, с. 45]. Подтверждается принадлежность костыльков к мужскому полу (табл.). Также не исключена их фаллическая символика, что составляет характерную особенность скифского стиля в оформлении предметов воинского снаряжения.

Местонахождение костыльков в могилах несколько варьируется в зависимости от положения пояса на погребённом. Как правило, пояс помещался в могилу расстегнутым или застегнутым поперек таза скелета. Костыльки в данном случае располагались в тазобедренной области, у кистей, бедренных костей или колен. В редких случаях пояс мог быть развернут вдоль скелета, в результате чего подвески могли оказаться на груди либо у ступней (Усть-Иштовка I, мог. 13; Кайнду, Ордынское I) [5; 10; 11]. На реконструированных поясах видно, что костыльки располагались по бокам таза (рис. 2). Если в захоронении находилось по два костылька, они соответственно подвешивались симметрично у правого и левого бока. Единственный достоверный случай, когда подвеска-костылек относилась не к человеку, а к лошади, отмечен в погребении №3 могильника Кузнецк 1/4 [12]. Судя

по погребальному обряду, совмещавшему быстрианские и тагарские черты – коллективная усыпальница вместе с захоронениями лошадей, здесь прослеживается явное смешение культурных традиций. Это, возможно, и вызвало нетрадиционное использование костылька. В погребениях с конем быстрианской и тасмолинской культур (Бийск I, кург. 4, 12; Тасмола II, кург. 1) подвески всегда расположены у пояса погребённого.

Костыльки в отличие от других категорий подвесок имеют определенную этнокультурную локализацию. Они встречаются с VII в. до н.э. по I в. н.э. на территории Верхнего Приобья (каменная и быстрианская культуры), Тувы (уюкско-саглынская культура), Семиречья (культура саков и усуней долины р. Или), Казахстана и Зауралья (тасмолинская культура), Ордоса (культура ордосских бронз). В таких регионах, как Урало-Поволжье (савромато-сарматская культура), Омское Прииртышье (саргатская культура), Горный Алтай (пазырыкцы), Хакасия и Минусинская котловина (тагарская культура), единичные экземпляры, вероятно, связаны с влиянием инкорпорантов. Наиболее существенным фактом, подтвержда-

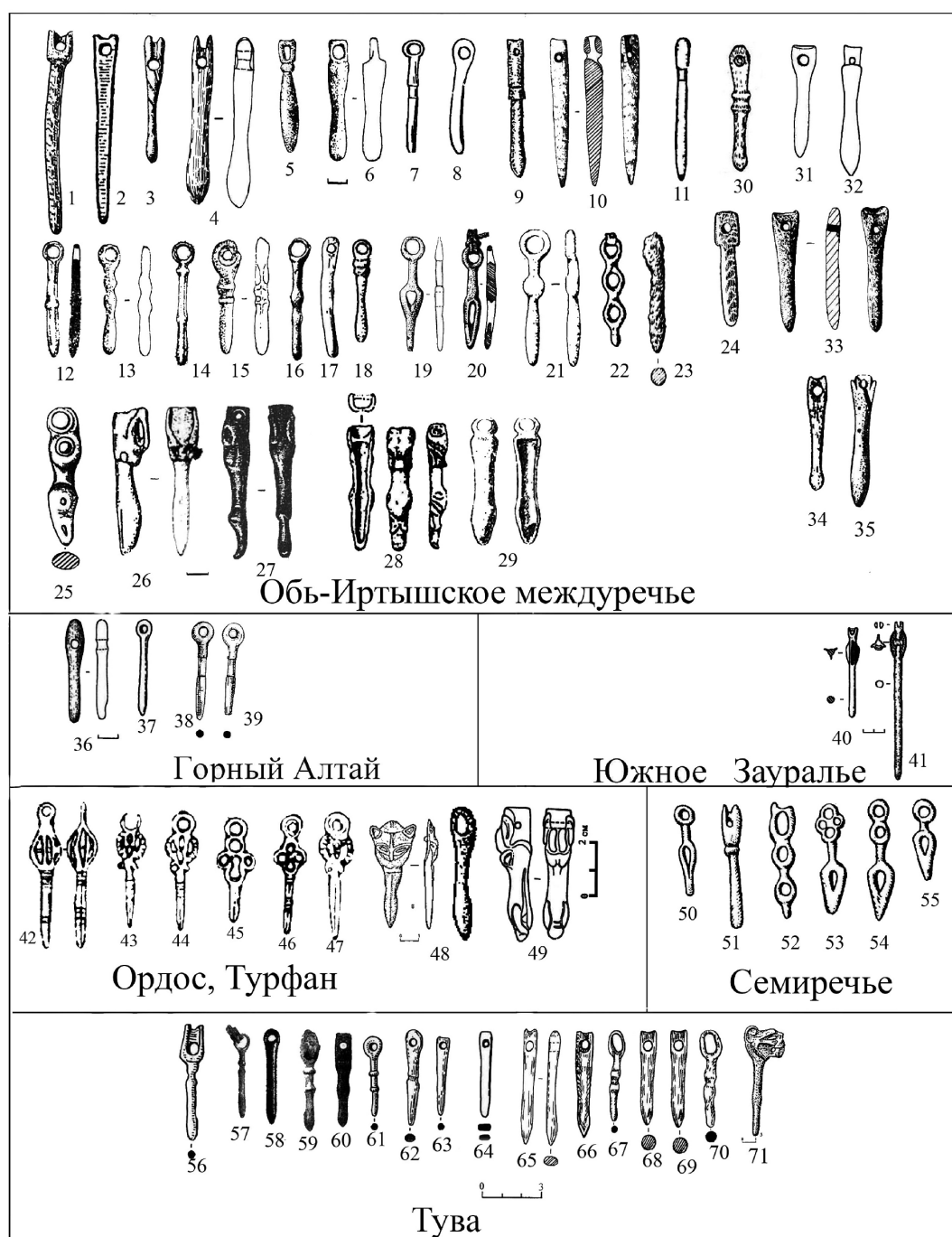

Рис. 1. Подвески-костыльки: 1 – Тасмола V, кург. 3; 2 – Тасмола II, кург. 1; 3 – Березовка I, кург. 15; 4 – Гоньба II, кург. 2, мог. 2; 5 – Михайловский VI, кург. 5; 6, 15 – Аэродромный, мог. 3, 5; 7, 8 – случ. находка у с. Кунгурово; 9 – Ордынское I; 10 – МГК 1/3; 11 – Гилево IX; 12–14, 16 – Бийск I, кург. 4, 12; 17, 18 – Рогозиха I, кург. 8, мог. 1, кург. 7, мог. 3; 19 – ЕКМ I, кург. 3; 20 – Казенная заимка I, кург. 3, мог. 1; 21 – Казенная заимка I, раскоп А.П. Уманского 1959 г.; 22, 23 – Камень II, кург. 15, мог. 5; 24 – Быстровка I; 25 – Новый Шарап II, кург. 1, мог. 1; 26 – Новотроицкое II, кург. 18, мог. 9; 27 – Гилево X, кург. 3; 28 – Новотроицкое I, кург. 15, мог. 1; 29 – Масляха I, кург. 3, мог. 7; 30 – Раздумье IV; 31, 32 – Новотроицкое II, кург. 18, мог. 5; 33 – Осинцево I, кург. 4, мог. 1; 34 – Быстровка III, кург. 5, насыпь; 35 – Кузнецк 1/4, мог. 3; 36 – Кайнду, кург. 2; 37 – Тузгта; 38, 39 – Барьугазы I, кург. 26; 40 – Иртыш XIV, кург. 2, погр. 3; 41 – мог. Бобровский, кург. 2; 42–48 – культура ордосских бронз; 49 – Шицзышань, пров. Цзянсу, Китай; 50–55 – памятники усуней долины р. Или, Семиречье; 49 – мог. Цзяохэ, погр. M23, Турфан, Синьцзян-Уйгурский автономный округ, Китай; 56, 62–64 – мог. Аймырлыг (Тува); 57 – Хемчик-Бом I, кург. 1; 58 – Хуйлуг-Хем I, кург. 26; 59 – Кюзленги I, кург. 1; 60 – Саглы-Бажи II, кург. 8; 61 – Туран V, кург. 130; 65–71 – мог. Сулгуг-Хем и Хайыракан

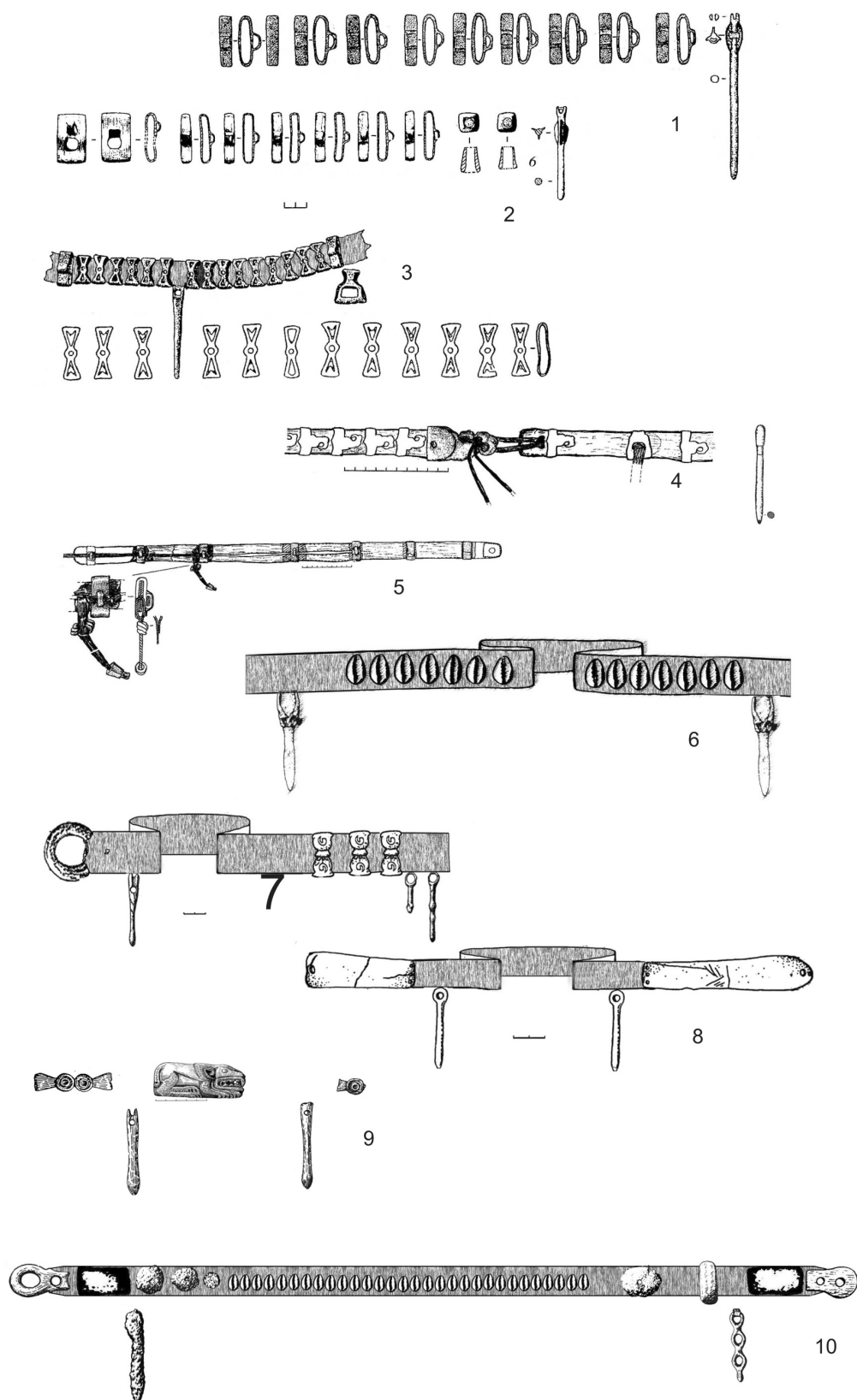

Рис. 2. Реконструкции наборных поясов с костыльками: 1 – Иртяш XIV, кург. 2, погр. 3; 2 – мог. Бобровский кург. 2; 3 – Тасмола II, кург. 1; 4, 5 – Гилево X; 6 – Новотроицкое, кург. 18, мог. 9; 7 – Березовка I, кург. 15; 9 – Гоньба II, кург. 2, мог. 2; 10 – Камень II, кург. 15, мог. 5 (1, 2 – по А.Д. Таирову [2]; 3 – по М.К. Кадырбаеву [20]; 4, 5 – по П.И. Шульге [26])

ющим версию этнокультурной локализации, является отсутствие костыльков в староалейской культуре, располагавшейся в зоне непосредственных контактов с культурами – носителями данной традиции.

Наибольшее количество костыльков происходит из памятников тасмолинской, каменной, быстринской и саглынской культур. Если близость тасмолинской, каменной и быстринской культур, тесно связанных общими компонентами формирования, не вызывает сомнения, то не совсем ясна ситуация с Тувой. Уже не раз исследователями отмечалось сходство погребального инвентаря Тувы, лесостепи и предгорий Алтая. Данный вывод подкрепляется серьезными основаниями, так как по отдельным категориям – серьги, булавки, наконечники стрел, поясная фурнитура и предметы вооружения – комплексы Тувы и Верхнего Приобья находят прямые аналогии [13; 14]. Костыльки – это еще одна категория инвентаря, сближающая отдаленные памятники, которая позволяет поставить вопрос о путях взаимодействия населения Тувы и Верхнего Приобья.

Изделия, происходящие с территории Семиречья, Восточного Туркестана и Ордоса в основном представлены случайными находками, сильно разрознены в пространстве, а степень изученности культур южного пояса азиатских степей относительно северных сравнительно мала. Тем не менее уже при первом взгляде заметно своеобразие данных подвесок (рис. 1 – 42–47, 50–55), обусловленное этнокультурными отличиями.

По внешнему виду костыльки различаются многообразием форм. Материал для изготовления подвесок – бронза, кость, железо. Железные костыльки известны в каменных могильниках Новотроицкое I, II, Камень II и др. [8; 15]. Зачастую определить их форму невозможно из-за сильной коррозии, поэтому в классификации мы их не рассматриваем.

Для систематизации костыльков был использован довольно распространенный классификационный принцип, когда признаки вещей разбиваются по степени изменчивости – от наименее к наиболее изменчивым. Основными элементами костыльков являются стержень и навершие. Группа определяется по материалу изготовления; разряд – по конструктивным деталям крепления навершия на поясе (с петлей, без петли, с переключиной вместо петли); раздел – по форме поперечного сечения костылька (цельные, ложечковидные, с цельным стержнем и полым навершием); отдел – по общему виду стержня, определяющемуся формой продольного сечения (гладкие, с валиками, с отверстиями, с перемычками, в зверином стиле); подотдел – по положению валиков, перемычек или отверстий на стержне; тип – по форме навершия. Всего нами учтен 61 костылек, происходящий с территории Обь-Иртышского междуречья. Данная выборка не претендует на полноценность, хотя и охва-

тывает регион наибольшего распространения данной категории инвентаря. Для изучения происхождения, развития, этнокультурной принадлежности и локальных особенностей поясных подвесок необходим более широкий территориальный охват с включением изделий, происходящих с Семиречья, Казахстана, Тувы, Восточного Туркестана и Ордоса. В данной работе костыльки с сопредельных районов приведены пока только в качестве аналогий.

Группа А. Бронзовые

Разряд I. Без петли

Раздел 1. Цельные

Отдел I. С перемычкой

Тип 1. Навершие оформлено в виде продолжения цельного гладкого стержня, отделенного от него перемычкой.

Разряд II. С петлей

Раздел 1. Цельные

Отдел II. Гладкие

Тип 2. Стремечковидные. С выемкой-канавкой в окончании петли и плавным переходом от основания петли к стержню. На территории Обь-Иртышского междуречья известно 2 экз. – Тасмола II, кург. 1; Березовка I, кург. 15;

Тип 3. Подквадратные. Всего 2 экз. Происходят с могильника Аэродромный, близ Бийска. На сопредельных территориях аналогичные подвески нам не известны.

Тип 4. С кольцевидным навершием, 9 экз. – Быстровка I, кург. 15, мог. 1; Усть-Иштовка, мог. 9; Новотроицкое I, кург. 34, мог. 2; Новотроицкое II, кург. 15, мог. 3, кург. 9, мог. 5; Обьездное I; Масляха I, кург. 3, мог. 7.

Отдел III. С перехватом, оформленным в виде одной или двух горизонтальных рельефных полос – валиков

Подотдел А. С одним ободком у основания петли.

Тип 5. Стремечковидные, без выемки, 1 экз. – Михайловский VI, кург. 5.

Подотдел В. С одним ободком в средней части стержня.

Тип 6. С кольцевидным навершием, 2 экз. – Гоньба, мог. 1959 г.; Бийск I, кург. 4.

Подотдел С. С двумя валиками в средней части стержня.

Тип 7. С кольцевидным навершием, 8 экз. – Аэродромный, мог. 1, 3; Березовка I, кург. 15; Бийск I, кург. 12.

Подотдел D. С двумя валиками у основания петли.

Тип 8. С кольцевидным навершием, 1 экз. – Рогозиха I, кург. 7, мог. 3.

Отдел IV. С отверстием в стержне

Подотдел А. С одним отверстием в средней части стержня.

Тип 9. С кольцевидным навершием, 2 экз. – ЕКМ 1, кург. 3.

Подотдел В. С одним отверстием в окончании стержня.

Тип 10. С кольцевидным навершием, 2 экз. – Казенная Заимка I, кург. 3, мог. 1.

Подотдел С. Стержень состоит из трех соединенных друг с другом отверстий.

Тип 11. С кольцевидным навершием, 1 экз. – Камень II, кург. 15, мог. 5.

Отдел V. Стержень оформлен в зверином стиле.

В Новом Шарапе II он завершается головками птиц, в Гилево IX имеет форму вытянутой морды кабана с загнутыми клыками.

Тип 12. С круглой петлей, 2 экз. – Новый Шарап II, кург. 1, мог. 1.

Тип 13. С прямоугольно-зооморфным навершием в виде головы кабана и узким отверстием вместо петли, 1 экз. – Гилево IX, кург. 3.

Раздел 2. Ложечковидные

Отдел II. Гладкие

Тип 14. С кольцевидным навершием, 1 экз. – Масляха I, кург. 3, мог. 9. Данный образец сочетает в себе как черты костыльков (по оформлению навершия), так и ложечковидных застежек, о которых будет сказано ниже.

Разряд III. С внутренней перекладиной

Раздел 2. Ложечковидные

Отдел V. В зверином стиле

Тип 15. Лицевая сторона ложечковидного стержня оформлена в виде стилизованной морды хищника, навершие не выделено, 1 экз. – Марково I, кург. 24, мог. 2. Подобные изделия с двумя перекладинами с внутренней части стержня получили в литературе наименование ложечковидные застежки. Образец из Марково I наиболее приближен к оригинальным образцам, известным у хуннов Забайкалья, Монголии и в тесинских памятниках Минусинской котловины.

Тип 16. Лицевая сторона ложечковидного стержня оформлена в зверином стиле, с условно переданной сценой преследования кабана кошачьим хищником. Навершие не выделено, петлю заменяет перекладина на внутренней стороне стержня. В отличие от изделия из Марково I, на внутренней стороне стержня имеется только одна перекладина. Всего 1 экз. – Новотроицкое I, кург. 15, мог. 1.

Раздел III. С полым навершием и гладким стержнем

Тип 17. С петлей в виде головы хищника, заглатывающего жертву, и двумя отверстиями. Одно имитирует глаз зверя. Второе, более мелкое, расположено на обратной стороне при переходе петли к стержню, 1 экз. – Новотроицкое II, кург. 18, мог. 9. Внутри полого навершия расположена перекладина для крепления ремешка.

Группа Б. Костяные

Разряд II. С петлей

Раздел 1. Цельные

Отдел I. С перемычкой

Тип 18. С кольцевидным навершием.

Отдел II. Гладкие

Тип 19. С петлей в виде стремечка, с выраженными плечиками при переходе петли к стержню. По форме напоминает окончания раннескифских удил. Происходит с могильника Тасмола V, 1 экз. Аналогичные подвески, выполненные в бронзе, встречены на могильнике Аймырлыг и Иртяш XIV.

Тип 20. Со стремечковидной выемкой, без плечиков при переходе петли к стержню. Сходны по форме со вторым типом бронзовых костыльков, 6 экз. – Гоньба II, кург. 2, мог. 2; Масляха II; МГК I.

Тип 21. С округлой петлей, 4 экз. – Рогозиха I, кург. 8, мог. 1; Усть-Иштовка I, мог. 13; Масляха I, кург. 3, мог. 7.

Тип 22. С навершием подтреугольной формы и прямым краем, с двумя вырезами, образующими фигуру в виде трех лепестков, всего 1 экз. – Кузнецк 1/4, мог. 3.

Тип 23. С навершием подтреугольной формы и прямым срезом, 6 экз. – Осинцево III, кург. 4, мог. 1; Быстровка III, кург. 5, насыпь; Абрамово IV, кург. 5, мог. 3; Новотроицкое II, кург. 18, мог. 5.

Тип 24. С навершием подтреугольной формы и прямым срезом, с выраженным упором при переходе к стержню. Обнаружен в одном наборе с предыдущим типом, являясь его разновидностью. Всего 1 экз. – Новотроицкое II, кург. 18, мог. 5.

Основным связующим признаком для костыльков типов 22–24 является подтреугольная форма и прямой срез навершия.

Отдел III. С валиком

Подотдел А. С одним ободком у основания петли.

Тип 25. Навершие вытянуто-прямоугольной, цилиндрической формы, с небольшим отверстием в верхней части. Всего 1 экз. – Ордынское I, кург. 8.

Подотдел Б. С двумя валиками в средней части стержня.

Тип 26. С навершием округлой формы, 2 экз. – Раздумье IV, кург. 10, мог. 1.

Следующим этапом анализа поясных подвесок стало распределение выделенных таксонов по типологическим группам с целью определения их культурно-исторического смысла и хронологии. Согласно Л.С. Клейну, «типология ориентирована на отображение реальной сложности связей, текучести явлений, глубинных структур материала, поэтому не подчиняется формально-логическим требованиям классификации, не требует единства критериев классификации, жесткого разграничения и взаимоисключения групп» [16, с. 366]. Для типологизации нами избрана стратегия генерального группирования, учитывающая данные по всем параметрам, включая не только форму, но и дату, локализацию, позицию в контексте и т.д. [16, с. 371].

Итогом группирования типов стало соответствие полученных групп распространению археологических культур либо определенному хронологическому отрезку.

Наиболее ранними на территории Азиатских степей являются поясные подвески из памятников тасмолинской культурно-исторической общности. Всего нами зафиксировано 4 экземпляра из четырех наборов – Тасмола II, V, Бобровский, Иртяш XIV (рис. 1 – 1, 2, 40, 41). Все они объединены в группу стремечковидных. Датировка указанных памятников не выходит за рамки VIII–VI вв. до н.э. В более поздних комплексах тасмолинской культуры костыльки вообще не известны. Далее на восток стремечковидные подвески встречены в каменской и быстринской культуре, одним из основных компонентов формирования которых, как известно, был тасмолинский – Гоньба II, Березовка I, МГК I, возможно, Масляха II (всего 6

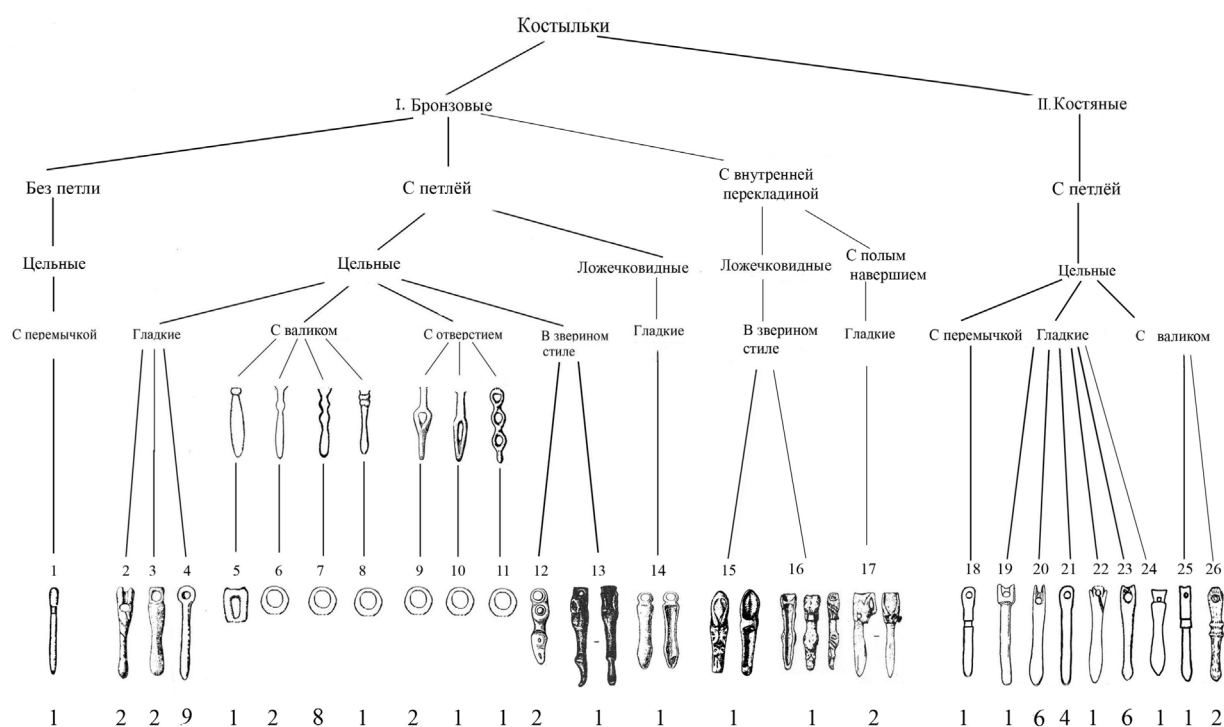

Рис. 3. Классификация подвесок

экземпляров из четырех наборов) [17, с. 440; 18]. В отличие от оригинальных тасмолинских подвесок, с хорошо выраженной петлей в виде стремечка, переход от стержня к навершию в каменных и быстрянских костыльках, как правило, не обозначен. Основной чертой, сближающей их с тасмолинскими, является выемка-канавка, начинающаяся у отверстия для подвешивания и заканчивающаяся дуговидным вырезом с выступами по верхнему краю. Эта конструктивная деталь, несмотря на частные детали в оформлении навершия, позволила объединить типы 2, 19, 20 в одну группу – стремечковидные, или в один хронологически значимый тип. Сюда же можно отнести находку из Михайловского VI, где петля оформлена в виде стремечка, но без выемки (рис. 1–5). Территориально этот памятник расположен на юге Кулундинской степи, ближе всего к Казахстану, вследствие чего тасмолинские традиции проявились здесь сильнее. Отсутствие канавки может говорить о более позднем характере памятника, когда данная деталь фиксации ремешка уже выходит из употребления. На костыльке из Михайловского VI также появляется новый элемент – валики по стержню. Все это позволяет считать данный образец производным от указанных типов и вполне согласуется с датировкой, предложенной для могильника Михайловский, – 2-я половина VI в. до н.э. [3, с. 80]. Еще один стремечковидный костылек происходит из могильника Аймырлыг в Туве [19, с. 427] (рис. 1 – 56). К сожалению, обстоятельства его обнаружения и сопроводительный инвентарь

погребения нам не известны, так как материалы памятника не опубликованы.

Довольно показательный результат дает сравнение форм петель костыльков и окончаний удил. Нами отмечено четыре варианта сходств (рис. 4 – 1). Три из них связаны с раннескифскими удилами подквадратной, стремечковидной с выемкой и без выемки форм. Четвертый вариант – кольчатый – характерен в основном для скифского времени. Изменение форм костыльков и удил шло параллельно, что подтверждает их одновременная смена или взаимовстречаемость в рамках какого-либо хроносе-реза. Момент перехода от стремечковидной формы к кольчатой зафиксирован в погребениях могильников Тасмола II и Березовка I. В первом случае стремечковидный костылек встречен со стремечковидными и кольчатыми удилами. По особенностям конского снаряжения, в частности по сочетаемости разных типов удил в одних комплексах, М.К. Кадырбаев [20, с. 186] датирует могильник Тасмола II серединой VI в. до н.э. По его мнению, стремечковидные удила существуют до середины VI в. до н.э., когда они вытесняются кольчатыми [20, с. 187]. В кургане 15 могильника Березовка I костыльки со стремечковидной и кольчатой петлей также обнаружены вместе. Как и Тасмола II, памятник имеет переходный характер и датируется финалом раннескифского времени [6].

Отмеченная близость в оформлении навершия костыльков и окончаний удил подтверждает вывод

П.И. Шульги о распространении в VIII–VI вв. до н.э. сбруйной «моды» в облике самых разнообразных категорий инвентаря: «Сбруйная фурнитура являлась высшим эталоном, которому позволялось следовать не только при изготовлении поясной фурнитуры, но и предметов вооружения, культа, туалета и орудий труда» [3, с. 37].

Выделенная группа «стремечковидных» костыльков, несмотря на малочисленность – всего 12 экземпляров от Южного Зауралья до Тувы, тем не менее является хронологически значимой, предшествующей по времени другим формам. Отсечение ряда частных признаков при существующей выборке вполне обосновано для решения поставленных задач, т.е. определения хронологии. Возможно, эти детали при дальнейшем пополнении источниковой базы могут оказаться этническими либо способствовать более подробной хронологии внутри группы.

В течение VI – первой половины V в. до н.э. помимо костыльков со стремечковидной и кольчатой формой навершия существовали и другие разнообразные варианты, которые в дальнейшем не получили развития. Это костыльки из Ордынского I, могильника Аэродромный, Гилево X – с подквадратным, цилиндрическим навершием и без навершия (рис. 1 – 6, 9, 11). Со второй половины VI в. до н.э. наиболее распространенным видом подвесок становятся кольчатые с цельным стержнем, по которому могли располагаться валики, перемычки или отверстия для фиксации ремешка. В материалах Обь-Иртышского междуречья нами зафиксировано 33 экземпляра, изготовленных как в бронзе, так и в кости (типы 4, 6–12, 18, 21, 26). Аналогичные типы широко представлены в материалах Тувы (рис. 1). Кольчатое навершие у костыльков является хронологически нейтральным признаком, существующим на протяжении середины – второй половины первого тыс. до н.э. Основную роль в хронологическом контексте, в отличие от первой типологической группы, играет оформление стержня. Валики и перемычки по длине стержня в основном представлены в памятниках VI–III вв. до н.э. – Раздумье IV, Березовка I, Аэродромный, Гоньба II, Бийск I, Рогозиха I, случайная находка у дер. Кунгурово. С III в. до н.э. данная конструктивная деталь выходит из употребления. В памятниках Новотроицкое I, II, Усть-Иштовка I, Быстровка I, Масляха I, датированных III–II вв. до н.э., представлены бронзовые кольчатые костыльки с гладким стержнем. Более узкие хронологические рамки дают валики или перемычки при переходе от стержня к навершию, они встречаются в памятниках VI – первой половины V в. до н.э. – Гилево X, Ордынское I, Михайловский VI, Рогозиха I.

Особую типологическую группу составляют костыльки с отверстиями по длине стержня. Всего

известно четыре образца, происходящих из могильников каменной культуры – Казенная Заимка I, Камень II, Елунинский курганный могильник I (рис. 1 – 19, 20, 22) [15; 21; 22]. Могильники относятся к развитому этапу каменной культуры и датируются большинством авторов V–III вв. до н.э. Данная форма не имеет в Южной Сибири прототипов, что говорит о кратковременном заимствовании инокультурной традиции либо вливании в местную среду каких-то иноэтничных групп. Основные ее аналогии происходят с южного пояса азиатских степей – территории Семиречья и Ордоса (Внутренняя Монголия). Это согласуется с точкой зрения А.А. Ковалева о сложении в позднескифское время – IV–III вв. до н.э. – «определенного религиозно-политического единства населения Ордоса и Саяно-Алтая, проявившегося как в передвижениях групп населения из Ордоса на Саяно-Алтай и Западную Сибирь, так и в формировании на базе саяно-алтайских традиций особой субкультуры высшего слоя ордосского общества» [23]. Не исключено, что в Семиречье, где количество подобных изделий также невелико (рис. 1 – 50–55) [19, с. 254], они появляются в результате миграции с востока в усуньское время.

В следующую типологическую группу нами объединены костыльки с подтреугольной формой и прямым срезом навершия – типы 22–24. Характерно, что все они изготовлены из кости. В материалах Алтая, Тувы и других территорий нам не известно ни одного костылька с такой формой навершия, выполненного в бронзе. Данный факт может быть связан с двумя линиями развития костяных подвесок. Первая, подражательная, связана с копированием оригинальных бронзовых образцов – в VII–III вв. до н.э. большинство костяных подвесок в той или иной степени подражают бронзовым, несмотря на некоторые отличия, связанные со спецификой материала. С III в. до н.э. прослеживается самостоятельная линия развития. Отчасти это связано со сложностью подражания бронзовым изделиям, распространенным в это время, – ложечковидным и в зверином стиле. Всего на территории Обь-Иртышского междуречья зафиксировано 8 экземпляров из могильников Новотроицкое II, Осинцево III, Быстровка III, Абрамово IV (табл.). Небольшие вариации в форме навершия, которые повлияли на выделение типов, тем не менее позволяют объединить их в одну типологическую группу (сходство объектов внутри группы наибольшее, между группами – наименьшее). В памятниках позднего озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры Тувы, датированного В.И. Семеновым последними веками до н.э., прослеживается аналогичная ситуация – практически все костяные костыльки имеют подтреугольную форму навершия (рис. 1 – 65, 66, 68, 69]. Верхней хронологической границей для костыльков данной группы является I в. н.э., по дати-

ровке могильника каменной культуры Быстровка III и озен-ала-белигских памятников Тувы [24; 25].

Для бронзовых костыльков III в. до н.э. – I в. н.э. характерно преимущественное распространение новых форм – ложечковидных и цельных, часто оформленных в зверином стиле, наряду с сохранением гладких костыльков с кольчатым навершием.

Классификация и типология ложечковидных застёжек так же, как и костыльков, никем до настоящего времени не разрабатывалась. Как правило, распространение ложечковидных застёжек связывают с хуннским влиянием. Их классические образцы происходят из памятников II в. до н.э. – I в. н.э. Монголии, Забайкалья, Минусинской котловины. В отличие от хуннского варианта звериного стиля, на подвесках Верхнего Приобья звериные изображения продолжают линию развития скифского искусства – это голова хищника, заглатывающего жертву (Новотроицкое II), или сцена преследования кабана кошачьим хищником (Новотроицкое I). Несмотря на условность изображений, верхнеобские изделия кажутся более рельефными и проработанными в деталях, в отличие от сильно стилизованных восточных образцов. Пропорции также сильно отличаются, восточные экземпляры значительно шире и действительно по форме навершия напоминают ложки. Вполне возможно, что мы имеем дело с более ранними ложечковидными застёжками, чем они известны у хуннов. На данный факт уже обращал внимание П.И. Шульга [26, с. 109], интерпретируя железные ложечковидные изделия с навершием в виде трубочки из могильника Локоть-4а и выводя их прототипы из роговых застёжек раннескифского времени. Однако бронзовые экземпляры не могли появиться настолько рано. Их конструктивное и стилистическое сходство с классическими образцами достаточно велико, что не позволяет датировать их ранее III–II вв. до н.э.

Назначение ложечковидных застёжек, кроме отменяемого отношения к поясным наборам, пока не определено. М.А. Дзвлет называет ложечковидные застёжки наконечниками ремней [27]. Аналогичным образом находку подобного изделия в кургане 15 Новотроицкого I интерпретируют В.А. Могильников и А.П. Уманский [28, с. 99]. В.В. Бобров определяет их как застёжки поворотного типа [29]. Н.В. Полосмак, учитывая находку ложечковидного стержня в погребении могильника Марково I в области шеи, также предполагает ее использование в качестве застёжки [30, с. 28]. И.В. Асеев, Ю.С. Худяков, Д. Цзэндрож определяют их как бляхи-зажимы поясного ремня [31]. Таким образом, с вопросом о назначении ложечковидных застёжек складывается практически аналогичная ситуация, что и с костыльками.

В ходе типологизации нами подмечен интересный факт – существуют переходные формы от костыльков к ложечковидным застёжкам (рис. 1 – 26, 28, 29, 48; рис. 5 – 2), которые позволяют говорить об их общем

назначении и сложном процессе трансформации. Пока в силу малочисленности подобных изделий построение стройной эволюционной модели невозможно, к тому же костыльки существуют параллельно ложечковидным застёжкам. На данном этапе исследования типы 14–17 (рис. 3) объединены нами в одну типологическую группу по наличию таких конструктивных деталей, как ложечковидный стержень или внутренняя перекладина.

Наиболее поздним на территории Обь-Иртышского междуречья является бронзовый костылек из могильника Гилево IX (рис. 1 – 26), датирующийся рубежом эр [32]. Аналогии ему известны из районов Восточного Туркестана – могильник Цзяохе (I в. до н.э. – I в. н.э.) и Ордоса (рис. 1 – 48–49). Общим признаком для данного типа костыльков является оформление стержня в виде морды хищника (кабана, волка) и небольшое отверстие для продергивания ремешка, в отличие от петельчатых наверший скифского времени.

В целом, для конца I тысячелетия до н.э. можно отметить значительные изменения в оформлении костыльков (рис. 6). Широко распространяется традиция изготовления бронзовых подвесок в зверином стиле, а мотив морды хищника становится одним из ведущих в позднескифском искусстве и применяется практически на всех деталях пояса – пряжках, обоймах, бляхах и т.д. [33, с. 401].

Таким образом, костыльки существуют на протяжении VII в. до н.э. – I в. н.э., являясь важной функциональной деталью пояса – оконечниками малого ремешка, служившего для крепления различных блях. Прослеживается определенная связь костыльков по отдельным типологическим признакам с так называемыми ложечковидными застёжками. В частности, существуют некоторые гибридные формы «костыльков» и «ложечковидных застёжек», которые указывают на их общее функциональное назначение. Хронологическим рубежом, когда и те, и другие выходят из употребления, является I в. н.э. К этому времени относится повсеместное распространение конструктивно новых поясов. Бляхи с петелькой на обороте, крепившиеся малым ремешком, сменяются различными нашивными бляшками, накладками, полуобоймами и подвесными кольцами, пряжки-блоки и с неподвижным шпеньком вытесняются пряжками с подвижным язычком. В результате данных инноваций традиция изготовления поясов с узкими продольными ремешками, существующая с раннескифского времени, исчезает.

Процедура хронологической типологизации костыльков позволила передатировать ряд памятников, традиционно относившихся к более раннему времени. В частности, комплексы из кургана 15 (мог. 1) Новотроицкого I, кургана 18 (мог. 9) Новотроицкого II исследователи датируют второй половиной

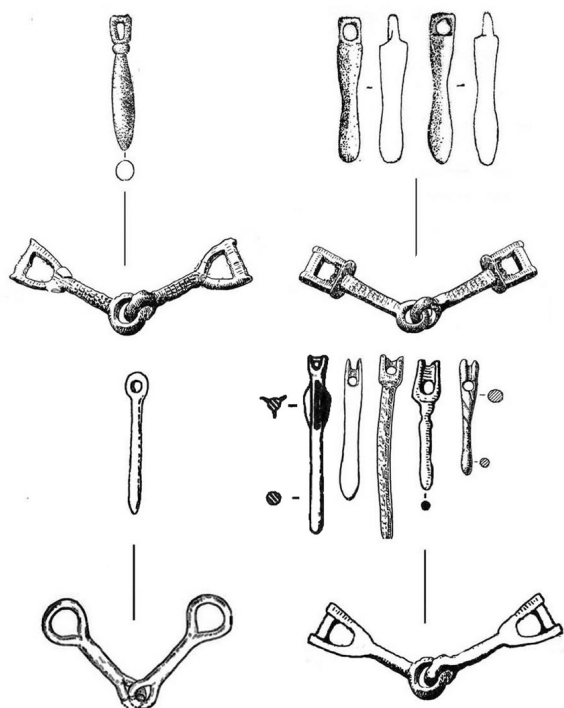

Рис. 4. Соотношение форм удил и костыльков

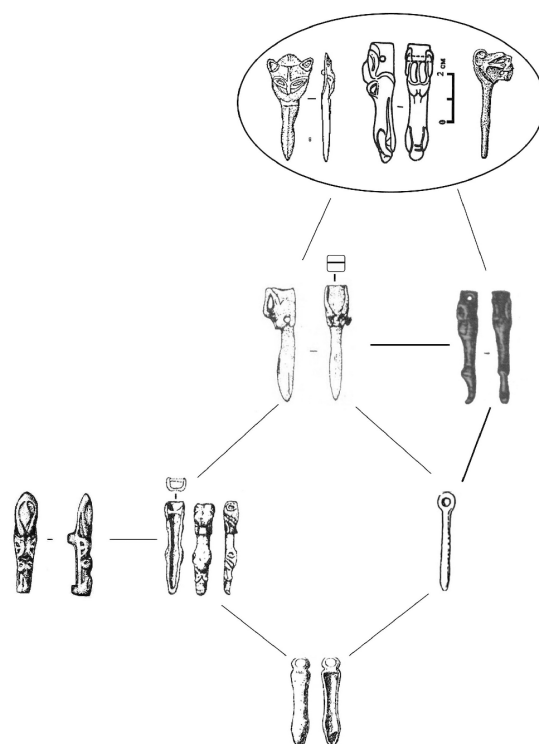

Рис. 5. Граф связи костыльков и ложечковидных застёжек

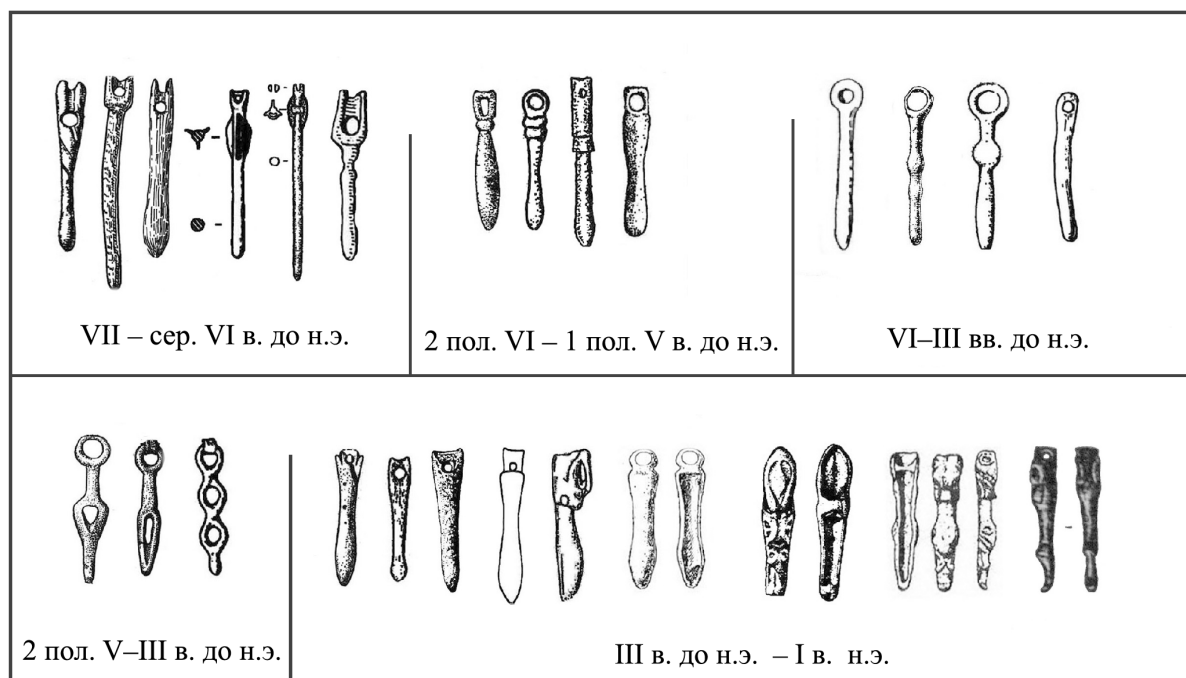

Рис. 6. Хронология костыльков

VI – первой половиной V в. до н.э. [3, с. 128]. Костыльки с внутренней перекладиной, ложечковидный и с полым навершием (типы 16, 17) позволяют значительно омолодить их хронологию до II в. до н.э. (возможно, с заходом в III в. до н.э.). Этим же временем, по нашему мнению, датируется большинство погребений Новотроицкого некрополя. Ошибки многих авторов при обосновании хронологии каменных древностей Верхнего Приобья связаны с отсутствием в их работах типологии вещевого материала, а также с ориентацией

на раннескифские аналогии, без учета материалов конца скифского и начала хунно-сяньбийского времени.

В заключение стоит отметить, что в результате проведенной систематизации костыльков введен в научный оборот фактически новый источник по снаряжению кочевников Азии, который был важной конструктивной деталью наборного пояса – оконечником малого ремешка, а также, как выяснилось в ходе исследования, являлся важным этнокультурным и хронологическим индикатором.

Библиографический список

1. Добжанский, В.Н. Наборные пояса кочевников Азии / В.Н. Добжанский. – Новосибирск, 1990.
2. Таиров, А.Д. Раннесакские боевые пояса / А.Д. Таиров // Российская археология. – 2004. – №1.
3. Уманский, А.П. Могильник скифского времени Верхнего Приобья Розовиха I / А.П. Уманский, А.Б. Шамшин, П.И. Шульга. – Барнаул, 2005.
4. Троицкая, Т.Н. Большеберенская культура лесостепного Приобья / Т.Н. Троицкая, А.П. Бородавский. – Новосибирск, 1994.
5. Кунгуров, А.Л. Результаты исследования памятника эпохи раннего железа Усть-Иштовка I на Алтае / А.Л. Кунгуров, А.А. Тишкин // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996.
6. Полторацкая, В.Н. Могильник Березовка I / В.Н. Полторацкая // АСГЭ. – Вып. 3. – Л., 1961.
7. Могильников, В.А. Курганы Масляха I по раскопкам 1979 года / В.А. Могильников, А.П. Уманский // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992.
8. Могильников, В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. / В.А. Могильников – М., 1997.
9. Кубарев, В.Д. Курганы Сайлюгема / В.Д. Кубарев. – Новосибирск, 1992.
10. Неверов, С.В. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае / С.В. Неверов, Н.Ф. Степанова // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск, 1990.
11. Завитухина, М.П. Ордынские курганы V–IV вв. до н.э. / М.П. Завитухина // Археологический сборник Государственного Эрмитажа – Вып. 10. – Л., 1968.
12. Ширин, Ю.В. Погребальные памятники раннего железа на юге Кузнецкой котловины / Ю.В. Ширин // Кузнецкая старина. – Вып. 6. – Новокузнецк, 2004.
13. Чугунов, К.В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тыс. до н.э. / К.В. Чугунов // Евразия сквозь века. – СПб., 2001.
14. Шульга, П.И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае / П.И. Шульга // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002.
15. Могильников, В.А. Курганы Камень II (Верхнее Приобье) по раскопкам 1986 г. / В.А. Могильников, А.В. Куйбышев // Советская археология. – 1982. – №2.
16. Клейн, Л.С. Археологическая типология / Л.С. Клейн. – Л., 1991.
17. Таиров, А.Д. Ранние кочевники урало-казахстанских степей в VII–II вв. до н.э. : дис. ... д-ра ист. наук / А.Д. Таиров. – М., 2006.
18. Шульга, П.И. Происхождение и ранний этап развития Каменной культуры скифского времени на Верхней Оби / П.И. Шульга // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, 2005.
19. Степная полоса Азиатской части СССР в скифосарматское время. – М., 1992.
20. Кадырбаев, М.К. Памятники тасмолинской культуры / М.К. Кадырбаев // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966.
21. Лузин, С.Ю. Курганный могильник Казенная Заимка I / С.Ю. Лузин, А.А. Тишкин // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул, 1999.
22. Кирюшин, Ю.Ф. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино / Ю.Ф. Кирюшин, Я.В. Фролов // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998.
23. Ковалев, А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III вв. до н.э. / А.А. Ковалев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999.
24. Семенов, В.И. Могильники Суглуг-Хем и Хайыракан / В.И. Семенов. – СПб., 2002.
25. Дураков, И.А. Исследования могильника Быстровка III / И.А. Дураков, Т.В. Мжельская // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. – Новосибирск, 1995.
26. Шульга, П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а / П.И. Шульга. – Барнаул, 2003.
27. Дэвлет, М.А. Сибирские поясные ажурные пластины / М.А. Дэвлет. – М., 1980.
28. Могильников, В.А. Новотроицкое I, курган 15 и хронология некоторых категорий вещей Южной Сибири середины – третьей четверти I тысячелетия до н.э. / В.А. Могильников, А.П. Уманский // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул, 1999.
29. Бобров, В.В. Тагарский курган на озере Утинка / В.В. Бобров // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. – Новосибирск, 1968.
30. Полосьмак, Н.В. Бараба в эпоху раннего железа / Н.В. Полосьмак. – Новосибирск, 1987.
31. Асеев, И.В. Погребение хуннского воина на горе Сул-Толгой / И.В. Асеев, Ю.С. Худяков, Д. Цэвэндорж // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985.
32. Могильников, В.А. Гилево IX, курган 3 – памятник хуннского времени северо-западных предгорий Алтая / В.А. Могильников // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2001.
33. Богданов, Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская традиция) : дис. ... канд. ист. наук / Е.С. Богданов. – Новосибирск, 2003.